Ю.И. Ермилов
Преподаватель Ивановского Богословского института им. Св. Ап. Иоанна Богослова и Ивановского художественного училища им. М.И. Малютина, теолог, арт-теоретик, лингвист, изограф

Рецензия на: [Федотов А.А. Кожаные ризы. Роман. Иваново, 2014. 280 с.]

Это не совсем рецензия и даже совсем не рецензия. Сейчас дотошное исследование текста не интересует даже профессионала в той мере, как это могло бы быть совсем недавно. А рядового читателя, того, что без претензий на популярность книги и на котируемость ее в кругах записных библиоманов, разбор словесного поля просто утомляет. Слишком многое принято было вытягивать из любого произведения, но вытяжки эти оказывались чаще всего не квинтэссенцией, а своего рода антирекламой, потому что критики в силу профессии не были заинтересованы в полном и адекватном понимании общего герменевтического смысла литературного раритета. Их более занимало открытие возможности поставить под сомнение любое концептуальное или человековедческое открытие писателя или показать его неумение выразить жгучие для него и для читателей проблемы так, как он этого хотел бы. Время бежит, даже скачет, а дипломированные любители литературы до сих пор не оставляют возможности применить принцип мидраша при оценке текста: чем интерпретационнее его интерпретация, тем милее она сердцу « разрушителя иллюзий».

Любое литературное творчество имеет недостатки во всех своих параметрах, независимо от таланта и опыта писателя. Если быть честным хотя бы по минимуму, то придется признать, что самые яркие классики золотого века русской литературы сейчас зачастую читаются очень тяжело, и это не только от отсутствия культуры чтения у современного книголюба, но и от обостренного ощущения у него катастрофической нехватки текстов с невыдуманной реальностью, где независимо от обыденности или фантастичности происходящего на страницах присутствует высшая правда Бытия, которая может не вписываться в систему стандартной системы ценностей или общепринятых принципов видения правды мира в литературе.

В последний десяток лет у меня нет времени на просто чтение: количество подготовок к лекциям давно перекрыло многократно все разумные пределы. О том, что читать - не только полезно, но что это еще и огромное удовольствие, забыто давно и прочно. И вот я получаю в семь утра на остановке подарок от автора: книгу «Кожаные ризы». Еду сорок минут до Кохмы – читаю, приезжаю в храм – еще час есть – читаю, не отрываясь. После службы читаю на морозе, ожидая маршрутку, и в маршрутке тоже. К вечеру книга залпом прочитана. От корки до корки. При полной преподавательской и храмовой нагрузке. С наслаждением. Взахлеб. С неоднократным перечитыванием нужных строк. С неудержимым смехом во многих местах. Настроение, которое до чтения было никаким, стало человеческим. Появились желание и силы жить, работать (вкалывать!!!), опять, слава Богу, с радостью помогать детям. Подобного чтения в своей жизни я не помню, хотя точно было нечто очень похожее. Чтобы быть правильно понятым, разъясню некоторые моменты. Я когда-то очень много читал – все, что доступно и недоступно, разрешено и запрещено. Художественную, научную, даже детективы и фантастику (иногда!). С

приходом в храм изменил отношение к большинству созданий культуры, прошел через почти полное отрицание пользы светского творчества и с боем вернулся на круги своя с острым критическим взглядом на многие явления во всех видах искусства. К литературе у меня было особое отношение: она повлияла на мою судьбу изнутри и снаружи в такой степени, что оставить ее в покое, как нечто безобидное и даже полезное, я не мог.

Продираясь сквозь ранее прочитанное и когда-то принятое и понятое с новым критическим энтузиазмом, я начал понимать такое, о чем ни у кого никогда не прочитал бы и не узнал. Потеряв почти весь бывший хрестоматийный авторитет, литература во многих случаях открылась для меня совсем другими своими гранями. И тот, почти нигилистический критицизм полного неприятия литературной выдумки, обернулся умением видеть реальность не в имитационно-точных описаниях сюжетных коллизий, а в истинности и правдивости самих состояний, где полностью отсутствовал какой-либо алгоритм соответствия правде или неправде. Отношение к таланту писателя приобрело совершенно новые черты. Талант Человека стал почти всегда мерилом таланта писателя (не литератора или сочинителя!!!), потому что понимание человеческого в человеке всегда превышает концептуальные претензии автора, как бы ни были они интересны, остры, злободневны и оригинальны. Читая начинающих, совсем не известных авторов, я увидел, сколько поистине талантливых людей скрыто в национальном сундуке литературы, писателей, которые не догадываются о своем таланте, привыкнув исчислять его уровень по школьной схеме. Они умеют писать так, как научить нельзя, как можно только с помощью остро зрячей совести и чистого сердца раскрыться бесхитростно и нараспашку, не боясь показаться примитивным или умственно недалеким. Это совсем не значит, что все такие писатели лишены внешних знаков образования и работают интуитивно, по наитию и наощупь. Часто чувство правды, о котором если и говорилось когда-то, то лишь в смысле опосредованной придуманности в русле злобы дня, позволяет молодым и «неопытным »авторам творить чудеса откровения в структуре текста, создавая неоспоримые узлы реальности «малой кровью». Стилистика таких произведений зачастую переполнена банальностями непрофессионализма в привычном понимании этого термина, как он сложился в годы подпольной литературы, где диссиденты всех фасонов и расцветок правили бал гениев – заслуженно или нет. Но сейчас я уверен: многое из того, что совсем недавно считалось признаком дилетантства и недоработки, теперь исчисляется совсем другой мерой, потому что звучание истины, как оказалось на практике, зачастую требует серьезных стилистических жертв, для которых необходимо мужество, не мыслимое как именно мужество в еще совсем недалекие от нас времена.

Прочитанные в последнее время книги оцениваются мной чаще всего по тому ощущению, которое они оставляют в душе, уме, сердце, а иногда и во всем существе, подобно явлению нерасшифрованного человека, которого почему-то прекрасно понимаешь даже тогда, когда не согласен с ним по самым наболевшим вопросам, но принимаешь без боли его противоположную правду, почти не удивляясь, что он тебе совсем не враг. Так Бог посещает нас, открываясь нам и понимая, что далеко не каждый свидетель чуда распознает это чудо, доверяя нашей нравственной интуиции видеть не юридический раритет , а Высшую реальность в Его следах. В этих текстах могут быть неровности и шероховатости стиля и смысла, композиционные и сюжетные потери, лингвистические несуразицы и многое другое, к чему обычно придираются специалисты. Но если в такой книге есть Состояние ума и духа, определенное и безусловное, она уже Книга, а не книжка. И она состоялась. Она не может быть не нужна людям. Ее НАДО читать. Или хотя бы прочитать. Роман «Кожаные ризы» Алексея Федотова создает яркий, однозначно читаемый образ духовного пространства, скомканного и искореженного безвременьем

новейшего времени , в котором приходится компоновать свою жизнь и судьбу близких, вопреки устроенности в нем антагонистической сети Врага и его слуг. Книга не просто оставляет яркий след в душе, но дает совсем не литературную надежду на реальность значительно лучшего бытия для наших детей, чем то, что имеется у нас и для нас.

Профессор Алексей Александрович Федотов – очень разносторонне образованный, начитанный ,яркий и одаренный человек, талантливый писатель, но кроме высшей грамотности и культуры у него – колоссальный опыт общения с интереснейшими в разных отношениях людьми. Это общение не только предельно продуктивно именно как общение, но и результативно как способ незаменимого ничем познания абсолютно объективной реальности, рождающей особый авторский иронизм. Юмор этот охватывает все сферы высшего и низшего бытия на всех этажах и закоулках, поэтому, читая его, быстро привыкаешь к парадоксам панибратства с потусторонними силами и духовными сущностями, перетекающими в супертелесность и колеблющимися между присутствием в слове текста и реальной материальностью. Вообще, чтобы правильно читать и понимать произведения А. Федотова, надо категорически отказаться от привычной схемы восприятия литературного каркаса, раскрепостившись максимально и забыв все то, чему когда-то учили в школе или вузе на эту многострадальную тему. Все животрепещущие вопросы бытия, возникающие сегодня в любую секунду перед совестью или выбором человека вопреки логике нормальной жизни, представлены в романе А. Федотова в виде сменяющихся картинок-действий как бы фантастического характера, где заведомая несерьезность положений вызвана их равноправным присутствием в нерасчлененной реальности рядом с прозаическими до тошноты событиями. В книге этой злободневным проблемам, о которых надоело, но стоит кричать, уделено очень много места. Но это место, точнее, места, так встроены в текст, что читатель, лишенный в личной судьбе понятия об этих проблемах, не замечает данной проблематики, почти ничего не теряя. Злободневность наличествует не как сиюминутная забота, а как общая для всех времен система неустройства жизни в ее беззаконных и безбожных линиях. Эти линии пересекают друг друга и каждого, кто оказывается на пути у судьбы, и автор лишь корректирует сюжетную тропу не для ее удобочитаемого изменения в пользу слабого читателя, а для того, чтобы читающий знал и помнил: в реальности, что рядом, фантастики несравненно больше.

Скажу откровенно: мне крайне импонирует в текстах этого автора бескомпромиссное наличие очень нужных и мудрых мыслей о Родине, Церкви, Вере , религиозности и Безверии, мыслей, которые давным - давно приходят в голову верующим, не способным стать равнодушными к судьбе Отчизны и ее детей в наше нестандартно-оригинальное время, когда забота или помощь страждущим воспринимается большой частью людей как проявление недоумия и наивности. Это и думы, и размышления на ,казалось бы, непрактические и умозрительные темы. Уровень мышления здесь так уместно высок, что не ощущается каким-то сверхъестественным процессом ,не стоит над миром суеты и праздности, а вписывается в систему нормального повседневного умозрения через рассуждение человека, не способного миновать всего того, что вопиет к совести и способности осмысливать через высшее проявление Веры - через духовный интеллект внерассудочной совести. Таким образом, сложные научные построения обретают форму, свободно льющуюся в необходимое по ситуации русло в виде раздумий, притчей, реплик или шуток. Стиль этих мыслей может быть и принципиально книжным, и заведомо «кухонным», никогда не теряя уровня внутренней серьезности и подлинной значимости. В этих мыслях появляются цитаты и пересказы, открываются собственные, четко сформулированные, догадки и гипотезы. Видно, что у автора подобных мыслей – море, но он вынужден

экономить силы всех, кто будет читать его книгу, а это иногда могут быть люди, не признающие ценность мысли самой по себе, или наоборот, не принимающие ее без связи с необходимостью момента.

Писатель не занимается доказательством истины или ее защитой. У него для себя и для потенциальных единомышленников есть точка отсчета, позволяющая в любой ситуации говорить с позиции силы и правды. Это Любовь, от которой все и происходит в меняющемся мире, к которой все возвращается, иногда с большим опозданием, иногда неожиданно вовремя. Каким бы умным, логичным и правдивым ни было бы суждение о предмете или явлении, результат этого суждения определяется знанием исходного источника. Не исчерпывающей информацией о нем, а именно знанием в древнейшем смысле этого слова. Автор «Кожаных риз» прекрасно знает саму Любовь, а не что-то очень важное о любви или про любовь, поэтому не позволяет никому усомниться в ее подлинности в пределах романа и не дает возможности читателю экспериментировать с этим священным понятием по моде нашего расхристанного и бесстыдного времени. Сила и правда, о которых уже сказано, ощущаются в постановке в романе проблем любой степени сложности: они не подвергаются неуместным сомнениям в надежности нравственных истоков любого доброго действия, которое может дать сиюминутный проигрыш, но в итоге все равно выиграет. Или даже победит. И не из-за того, что наша правда всегда должна победить, а из-за того, что она - единственное мерило необходимости, не несущей никакого зла.

Книга очень смешная и грустная. Точнее, умеющая насмешить, рассмешить и тут же, пока смех еще не прошел, окунуть в кипящую вражду любых форм сатанизма, коих в нашей нынешней космологии прибавляется не по дням, а по часам . Алкоголь, как один из персонажей повествований А.А. Федотова, спутник и пособник лукавого, работает в тексте как бы походя, не обнаруживая особого персонифицированного образа и тем самым показывая свою реальную сосредоточенную работу по изменению личности. Будучи совсем незаметным на фоне говорящих и действующих персонажей , он напоминает внимательному читателю без лишних уточнений и намеков, что его скромная и в то же время великая миссия – всегда быть наготове рядом с горем и радостью, чтобы в итоге превратить все и вся в одно и то же - в телесно-духовный студень.

Писатель не заявляет о проблемах так, как это сделал бы на его месте журналист: громко, четко сформулировав задачу дня. Он делает это смелее и умнее. Потому что за каждой проблемой стоит пять спереди и десять сзади, и, ухватившись цепко за одну, потеряешь все другие и эту тоже. Автор романа не исследует проблематику так, как это делает публицистическая наука: трогая ум и сердце железной логикой причин и следствий явления, задевая личностные струны души, щекоча сердце полной иллюзией взаимного соответствия мыслей и возможных действий вещающего и слушающего. Писатель, имея жесткую и незыблемую точку зрения на краеугольные явления Бытия, тем не менее, дает читателю полное право не соглашаться с его мировоззрением и противостоять ему вместе с веселыми персонажами романа, представляющими обобщенный портрет успешных по жизни современников, успешных только в смысле материальном.

И последнее, о чем обязательно надо сказать. Автор «Кожаных риз» - верующий человек. Не ищущий Бога, как говорят о ком угодно, а имеющий Его в своем сердце. Знающий Его. Поэтому особо ценно наличие у этого автора искрометного нестандартного юмора, живого и блестящего ума, умения увидеть в явлении бездну непридуманного содержания, а его любовь к русскому языку достойна более чем уважения. Через эти качества неброские на первый взгляд мысли приобретают философскую и лингвистическую значимость, становясь осознанной вехой на пути к правде…и к счастью. К счастью, которое не из этой книги, а из самой глубины жизни… А книга помогает его увидеть в реальности… И начать сначала…

©Ермилов Ю.И., 2014